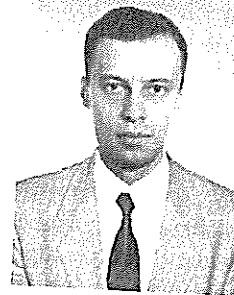

Недействительность третейского соглашения

В. Н. АНУРОВ, кандидат юридических наук

Постановка вопроса о недействительности третейского соглашения предопределяет применение норм гражданского права. Именно в этой отрасли права содержится систематизированный свод правил, регулирующих отношение всех заинтересованных лиц к действиям, совершенным ими или другими лицами и описываемым правом с применением термина «недействительность».

Рассматривая третейское соглашение с точки зрения гражданско-правовой сделки, необходимо, в первую очередь, решить две задачи. В связи с наличием большого разнообразия в теоретических подходах к понятийному аппарату, играющему ключевую роль, как в законодательстве, так и в право-применительной практике, очень важно не запутаться в лабиринте терминов или придаваемых им значениях, которые зачастую носят противоречивый характер. Поэтому формулирование принципиальных положений, составляющих основу дальнейшего исследования, или заявление о своей приверженности к той или иной позиции, школе или научному направлению может в значительной степени облегчить понимание взглядов и выводов автора. Другой задачей является проведение параллелей между этими положениями и правоотношениями участников третейского разбирательства, складывающимися между ними по поводу признания третейского соглашения недействительным. Применяются ли общие правила о недействительности гражданско-правовой сделки к недействительности третейского соглашения непосредственно, или их применение должно быть обусловлено особой правовой природой третейского разбирательства? Какова роль государственного суда в решении вопроса о недействительности третейского соглашения? Получение всесторонних ответов на эти вопросы возможно лишь после глубокого изучения общих принципов правового регулирования гражданско-правовой сделки, с одной стороны, и особенностей правового регулирования третейского соглашения, с другой.

Недействительность гражданско-правовой сделки

Применение термина «недействительность сделки» выражает отношение права к действиям, совершенным заинтересованными лицами в реальном мире. Это отношение обладает определенным набором свойств, с одной стороны, присущих только ему, а с другой — контрастирующих с другим правовым режимом, в котором проявляется отношение права к свершившемуся факту. Данный режим характеризуется наличием внешних и внутренних признаков, подлежащих оспариванию заинтересованным лицом для признания сделки несостоявшейся. Такое оспаривание не направлено на отрицание того, что фактически совершенные действия имели место в действительности. Отрицанию подвергается лишь заявление процессуального оппонента о соответ-

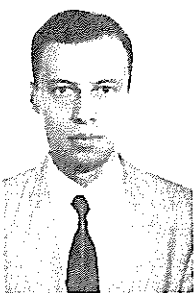
ствии свершилось говорить о при относится нап средством кот ции. В качестве ванного лица с ваемой сделки. ный вопрос о д гражданско-пц сам термин «не тацией отсутст ким образом, п тоятельности стороны заинт ния как нельзя «абсолютного и заинтересован

Предметом выступают обс обстоятельстве тельного вопро зано с различн ваемой сделки, последствий сд тер и обусловл ное упоминани последствий, с сферу действия ные сделки.¹ П подачи иска о б ффекта второго следствий недеи способов защи: тему взаимосвя от абсолютного тивного вмеша: ния юридическ

Предложены ученых, которые честве самостоя нии характера о ности сделки,)

¹ Пункт 1 ст. 167 Гр ских последствий

² «...под недействит юридических пос статкам), существе ся как к сделке-ф ные сделки в граж

ствии свершившегося факта определенной группе признаков, позволяющих говорить о придании этому факту правового значения. К внешним признакам относится направленность и законченность рассматриваемых действий, посредством которых сделка занимает свое место в юридической классификации. В качестве внутреннего признака выступает идентификация заинтересованного лица с лицом, волеизъявление которого составляет основу рассматриваемой сделки. С помощью перечисленных признаков решается предварительный вопрос о допустимости оценивать совершенные действия с точки зрения гражданско-правовой сделки. На предварительный характер также указывает сам термин «несостоятельность сделки», обнаруживающий сходство с констатацией отсутствия внешнего события или даже его внешней видимости. Таким образом, предмет отрицания, проявляющийся в правовом режиме несостоятельности сделки, предопределяет пассивное отношение к сделке со стороны заинтересованных лиц и государственного суда. Суть этого отрицания как нельзя лучше может быть проиллюстрирована с помощью термина «абсолютного игнорирования сделки», лишаяющего всякого смысла наделяние заинтересованного лица исковыми средствами правовой защиты.

Предметом отрицания в правовом режиме недействительности сделки выступают обстоятельства, лишаящие сделку правового эффекта. Данные обстоятельства подлежат оценке после решения вышеназванного предварительного вопроса. Применение термина «недействительность сделки» связано с различным подходом лиц, рассматриваемых как участников оспариваемой сделки, к возникновению у них прав и обязанностей, т. е. юридических последствий сделки. Отрицание правового эффекта носит активный характер и обуславливается предоставлением средств исковой защиты. Специальное упоминание в российском законодательстве о наступлении юридических последствий, связанных с недействительностью сделки, распространяет сферу действия сделанного вывода не только на оспоримые, но и на ничтожные сделки.¹ Право на оспаривание первого вида сделок реализуется путем подачи иска о признании сделки недействительной. Лишение правового эффекта второго вида сделок происходит в рамках процесса о применении последствий недействительности ничтожной сделки. Создание вышеназванных способов защиты прав заинтересованных лиц, представляющих собой систему взаимосвязанных между собой правовых средств, демонстрирует отказ от абсолютного игнорирования правом социальных отношений и начало активного вмешательства в их регулирование, пусть даже на стадии наступления юридических последствий.

Предложенный подход не противоречит выводам даже тех современных ученых, которые выступают против выделения несостоявшихся сделок в качестве самостоятельной категории. Так, например, О. В. Гутников при описании характера отрицания, проявляющемся в правовом режиме недействительности сделки, делает акцент на юридических последствиях.² Д. О. Тузов

¹ Пункт 1 ст. 167 Гражданского кодекса РФ: «Недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью».

² «...под недействительностью сделок следует понимать отрицание в той или иной степени юридических последствий (сделки-правоотношения) по основаниям (юридическим недостаткам), существующим в момент совершения сделки-юридического факта, относящимся как к сделке-факту, так и сделке-правоотношению». См.: Гутников О. В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М., 2005. С. 52.

настаивает на использовании термина «порочность» при определении категории, объединяющей термины «оспоримость» и «ничтожность»³. Высказанные мнения двух ученых также описывают отрицание правового эффекта сделки, которое носит самостоятельный характер и, как уже было показано выше, отличается от отрицания признаков, приводящего к признанию сделки несостоявшейся. Возражения вызывает лишь позиция, рассматривающая несостоявшиеся сделки в качестве разновидности недействительных сделок. Применение термина «недействительность» не способствует точному раскрытию содержания и правовой природы отношений, складывающихся между сторонами в результате совершенных ими действий, если отсутствуют признаки состоятельности сделки. Нельзя согласиться с отождествлением данных признаков с признаками, являющимися основанием для признания сделки недействительной, вследствие того, что не наступают юридически значимые последствия, на которые была направлена воля сторон. Если в случае признания сделки недействительной это является предметом отрицания заинтересованным лицом, то в случае признания сделки несостоявшейся такой вопрос вообще перед ним не стоит, так как логически вытекает из самого правового режима несостоятельности сделки. Искусственное насаждение одних юридических дефиниций на другие за счет расширения действия первых разрушает внутреннюю согласованность между ними, что приводит к рассеиванию правового воздействия нормативных актов, призванных обеспечить четкое регулирование социальных отношений. Таким образом, аргументация, представленная О. В. Гутниковым в обоснование своей позиции о включении несостоявшихся сделок в категорию недействительных, хотя и решает поставленную задачу — нахождение общих признаков между несостоявшимися и недействительными сделками, — не является достаточным основанием для поглощения одной категории другой. Также нельзя согласиться и с Д. О. Тузовым, который, в отличие от О. В. Гутникова, проводит разграничение между признаками состоятельности сделки и признаками, являющимися основанием для признания сделки недействительной (пороками), однако в то же время рассматривает их в рамках общего режима недействительности.⁴ Простое сравнение двух видов рассматриваемых признаков обнаруживает их противоположный характер. В случае несостоятельности сделки признаки выполняют положительную роль, и только отрицание их приводит к установлению результата, являющегося ключевым термином в названии правового режима. В случае же недействительности сделки признаки обладают отрицательной функцией,

³ «Нельзя согласиться и с тем, что понятия ничтожности и оспоримости несоизмеримы друг с другом. Как уже приходилось отмечать в другом месте, если рассматривать их как формы порочности, каковыми они и являются, а не недействительности, то оба совершенно адекватно отражают объективное юридическое состояние сделки, указывая на то, к какому типу последствий приводят пороки ее состава: при ничтожности они полностью обесценивают сделку, так что последняя даже не возникает для права, изначально являясь недействительной, при оспоримости же — лишь порождают право на ее оспаривание». См.: Тузов Д. О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: пандектное учение и современное право. М., 2006. С. 96–97.

⁴ «С другой стороны, вследствие все того же смещения понятий, в отечественной цивилистике отсутствует термин для обозначения сделки, не имеющей пороков, однако по какой-либо внешней причине не вызывающей присущего ей эффекта. Согласно классической доктрине, такое состояние, как уже было сказано, подходит под общую категорию недействительности и называется недействительностью в узком смысле». См.: Тузов Д. О. Указ. соч. С. 27.

в связи с чем заинтересованный в защите стороны соответствия

Особое место описание юридической в соответствии с действительность сделки правового круга лиц. В институте относительности западных правовых казываются мнение «недействительность» с понятием Д. О. Тузова рассматриваемыми термином определенным кругом лиц, в то время что эффекта.⁶

Следующим признаком форм отрицания они служат от вопросов, возникших третейского соглашения учеными в рамках формирования на договорительством заставления ученых, сфера права или гражданского не должна мой. Для понимания института «недействительности» различиями теориями и практикой

Правовой режим активной функцией отрицания правосубъектности от того случае наблюдаемого установления обремененным признаком

⁵ «Вместе с тем данный тождественный термин Под ред. Е. А. Суханова

⁶ «Относительно недействительности конкретных, в том числе договорных, соч. С. 86.

в связи с чем заинтересованное лицо совершает прямо противоположные действия в защиту своих интересов. Способ его защиты заключается не в отрицании соответствующих признаков, а в их установлении.

Особое место в раскрытии природы действительности сделки через описание юридических последствий занимает «теория права оспаривания». В соответствии с позицией ее известного представителя, Жапью, недействительность сделки означает отсутствие ее правового эффекта для определенного круга лиц. Эта идея получила свое воплощение в так называемом институте относительной недействительности, существующем в некоторых западных правовых системах. В российской юридической литературе высказываются мнения о тождественности термина «относительная недействительность» с понятием «оспоримость».⁵ Против такого отождествления выступает Д. О. Тузов, указывая на принципиальное различие между рассматриваемыми терминами. По его мнению, указание в данном термине на определенный круг лиц преследует цель наделить их правом рассматривать сделку как недействительную с момента ее совершения для определенного круга лиц, в то время как для всех других лиц она не теряет своего правового эффекта.⁶

Следующим предметом исследования выступает правовой анализ различных форм отрицания правового эффекта гражданско-правовой сделки. Именно они служат отправной точкой для выработки подхода к решению спорных вопросов, возникающих при оспаривании одной из сторон действительности третейского соглашения. Принципиальные положения, сформулированные учеными в рамках какой-либо теории или правовой системы, подлежат трансформации на другую почву. Замена судебного процесса третейским разбирательством заставляет по-новому взглянуть на те или иные устоявшиеся мнения ученых, сформировавшиеся исключительно на основе гражданского права или гражданского процесса. В связи с этим сфера настоящего исследования не должна быть ограничена одной теорией или одной правовой системой. Для понимания всей картины трансформации гражданско-правового института «недействительности сделки» в правоотношения, складывающиеся между участниками третейского разбирательства, необходимо проанализировать различные трактовки данного института, предлагаемые различными теориями и правовыми системами.

Правовой режим недействительности сделки не исчерпывается констатацией активного характера правового регулирования, проявляющегося при отрицании правового эффекта сделки. Степень отрицания варьируется в зависимости от того, является ли сделка ничтожной или оспоримой. В первом случае наблюдается расширение сферы действия отрицания посредством установления общего принципа о признании сделки, не соответствующей установленным правом требованиям, ничтожной, если правом не предусмотре-

⁵ «Вместе с тем данная классификация позволяет использовать термин ничтожность как тождественный термину «абсолютная недействительность», а термин «оспоримость» как тождественный термину «относительная недействительность». См.: Гражданское право. Т. 1 / Под ред. Е. А. Суханова. М., 2004. Цит. по: Информационно-справочная система «Гарант».

⁶ «Относительно недействительные (ничтожные) сделки изначально не имеют силы в отношении конкретных заинтересованных лиц, в сделке не участвующих; для всех же остальных, в том числе для контрагентов, они полностью действительны». См.: Тузов Д. О. Указ. соч. С. 86.

ны иные последствия нарушения.⁷ Сформулированное таким образом правило неоправданно подвергает опасности большое количество сделок. Угроза ничтожности представляется чересчур суровой мерой для тех из них, содержание которых пусть даже и не соответствует некоторым правовым требованиям, но не нарушает установленные правом запреты. Логичнее было бы прямо сослаться на противоправность действий, составляющих основу сделки, как на признак, с помощью которого сделки признаются ничтожными в результате применения вышеназванного общего правила. Так, например, Д. О. Тузов ссылается на Гражданский кодекс Эстонии, отмечая интересную формулировку рассматриваемого общего правила. Ключевую роль в нем играет цель установления запрета, являющаяся мериллом для признания сделки ничтожной.⁸ В правовом режиме оспоримости отрицание правового эффекта сделки обусловлено отношением к ней как к действительной.⁹ Исковая защита интересов заинтересованного лица носит преобразовательный характер, поскольку исковое требование заключается в превращении действительной сделки в недействительную. Суждения, построенные на обратной связи, неоднократно подвергались критике в современной юридической литературе.¹⁰ Сфера действия отрицания сужается до случаев, когда заинтересованное лицо реализует свое право на оспаривание оспоримой сделки в судебном порядке. Правда, в правовых системах, оперирующих понятием «относительная недействительность», существует возможность внесудебного оспаривания сделок.¹¹ Однако, как было сказано выше, применение данного правила обусловлено подходом к природе недействительности сделки, кардинально отличающимся от основных положений российского законодательства.

Потребности хозяйственного оборота и интересы слабой стороны в сделке вносят свои коррективы в отрицание правового эффекта сделки. Не всегда эти коррективы оправданы с точки зрения существующей системы правового регулирования. В большинстве случаев это касается правового режима ничтожности. Поскольку в действующем российском законодательстве отсутствует упоминание о так называемом негационном иске в отношении ничтожных сделок, получила распространение позиция, отрицающая возможность подачи такого иска. Более того, М. А. Рожкова предлагает применить отказ в предоставлении самостоятельного иска и к другим требованиям заинтересованного истца, сомневающегося в наступлении правового эффекта сделки: требованиям о признании сделки действительной, признании договора заключенным или незаключенным. Ее позиция построена на расширении состава фактических действий, выступающих основанием для

предъявления ис
заинтересованн
бы оспаривание
Индикатором же
дательстве возм
Сложность закл
пользуется тер
а именно прямое
знании» примени
ки в правовом ре
но права заинтере
исковой защиты
ки. Противником
заинтересованно
установление дву
ее действительн
щего исследован
ного хозяйствен
вовом анализе пр
эффекта сделки.

В различных
ки может рассма
го характера. Об
ного лица на пр
эффекта сделки
изменяется в сл
вой анализ с то
логическую стру
рата. Взаимоиск
сделки, как ее де
мощью создания
сделки.¹⁴ Требов
рактар, направл
ную. Оценка нед
характера, допус
свойств в отнош
выделение требс
стоятельного иск
ка действительн

⁷ Статья 168 Гражданского кодекса РФ: «Сделка, не соответствующая требованиям закона и иных правовых актов, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспаривается, или не предусматривает иных последствий нарушения».

⁸ Подробнее см.: Тузов Д. О. Указ. соч. С. 123.

⁹ «...оспоримость связана с идеей действительности: сделка, несмотря на ее пороки, влечет положительные правовые последствия и не может считаться недействительной без судебного решения». См.: Тузов Д. О. Указ. соч. С. 125.

¹⁰ Подробнее см.: Гутников О. В. Указ. соч. С. 120-121; Тузов Д. О. Указ. соч. С. 136-141; Рожкова М. А. Преобразовательные иски // Законодательство. 2001. № 3.

¹¹ Подробнее см.: Гутников О. В. Указ. соч. С. 98-99; Тузов Д. О. Указ. соч. С. 131; Шестакова Н. Д. Недействительность сделок. М., 2001. С. 18.

¹² «...недопустимы ис
права при том, что
например, о призн
ствительной, о при
кова М. А. Требова
2002. № 11. С. 23.

¹³ Подробнее см.: Тузо

¹⁴ Подробнее см.: Тузо

предъявления иска о признании. Недостаточно простого оспаривания права заинтересованного лица его процессуальным оппонентом. Необходимо, чтобы оспаривание переросло в нарушение права или было с ним сопряжено. Индикатором же нарушения служит закрепленная в гражданском законодательстве возможность воспользоваться иском средством защиты.¹² Сложность заключается в том, что при упоминании такой возможности используется терминология, не содержащая процессуальные категории, а именно прямое указание на иск. Так, например, термин «требование о признании» применяется как в случае установления недействительности сделки в правовом режиме оспоримости, не вызывающем сомнения относительно права заинтересованного лица обратиться к самостоятельному средству исковой защиты, так и в случае исцеления (конвалидации) ничтожной сделки. Противником данного подхода выступает Д. О. Тузов, допускающий право заинтересованного лица на подачу самостоятельного иска, направленного на установление двух противоположных свойств гражданско-правовой сделки: ее действительности и недействительности.¹³ Оставляя за рамками настоящего исследования доводы о социальной полезности, обеспечении стабильного хозяйственного оборота, следует сконцентрировать внимание на правовом анализе предложенных подходов с точки зрения отрицания правового эффекта сделки.

В различных теориях и правовых системах недействительность сделки может рассматриваться как категория абсолютного или относительно-характера. Обе категории, в принципе, допускают право заинтересованного лица на предъявление негационного иска. Отрицание правового эффекта сделки также сохраняет свою смысловую нагрузку. Ситуация изменяется в случае исцеления ничтожной сделки. Если проводить правовой анализ с точки зрения недействительности, система сохраняет свою логическую структуру и внутреннюю согласованность понятийного аппарата. Взаимоисключающий характер таких свойств гражданско-правовой сделки, как ее действительность и недействительность, объясняется с помощью создания особого вида порочности — условной недействительности сделки.¹⁴ Требование об исцелении сделки носит преобразовательный характер, направленное на превращение ничтожной сделки в действительную. Оценка недействительности сделки как категории относительного характера, допускающая одновременное существование ее вышеназванных свойств в отношении определенного круга лиц, также может объяснить выделение требования об исцелении ничтожной сделки в качестве самостоятельного иска. Однако предметом данного требования выступает оценка действительности сделки. Рассмотрение же этого термина в качестве

¹² «...недопустимы иски, в которых речь идет не о признании конкретного субъективного права при том, что возможность такого иска специально не предусмотрена в законе, как, например, о признании недействительной ничтожной сделки, о признании сделки действительной, о признании договора заключенным (либо незаключенным)...». См.: Рожкова М. А. Требование о признании в арбитражном процессе // Арбитражная практика. 2002. № 11. С. 23.

¹³ Подробнее см.: Тузов Д. О. Указ. соч. С. 98-101, 103, 169-202.

¹⁴ Подробнее см.: Тузов Д. О. Указ. соч. С. 201-202.

категории абсолютного характера лишает заинтересованное лицо права на отрицание правового эффекта сделки. Во всяком случае, по смыслу действующего российского законодательства исцеленная сделка считается действительной с момента ее совершения. Подобный вывод допустим только при условии распространения некоторых элементов режима оспоримости на случаи исцеления сделки (применения понятия условной действительности) или продолжения логической цепочки понятий, используемых в теории об относительной недействительности сделки. Существующая в действующем российском законодательстве расстановка акцентов свидетельствует об оставлении преобладающего значения за отрицанием правового эффекта сделки, нежели за установлением ее действительности. Рассмотрение последнего случая в качестве исключения из правил недостаточно для целей сохранения единого научного подхода, так как природа этого исключения объясняется с помощью теории, принципиально отличающейся от классической доктрины, на основе которой были разработаны ключевые положения российского права. Наделение же требования об исцелении сделки чертами самостоятельного иска не снимает, а, наоборот, обостряет проблему. Единственным выходом из сложившейся ситуации является оценка правовых норм, предусматривающих возможность исцеления сделки, не как разрешение на подачу самостоятельного иска о признании ничтожной сделки действительной, а как указание на формы защиты против иска о признании ничтожной сделки недействительной. Отказ в удовлетворении иска в последнем случае не влечет превращение ничтожной сделки в действительную и не препятствует отрицанию ее правового эффекта по другим основаниям.

Предпосылкой для проведения любого третейского разбирательства служит третейское соглашение. Более того, без него невозможно даже представить себе использование сторонами данного способа защиты их прав. Поэтому, когда под сомнение ставится действительность третейского соглашения, под угрозу попадают все сложившиеся правоотношения участников третейского разбирательства. Установленные в законодательстве о третейских судах и сформированные в судебной практике правила, предусматривающие выход из этих сложных ситуаций, должны быть осмыслены и, в случае необходимости, скорректированы с точки зрения теоретических подходов к решению проблемы недействительности гражданско-правовой сделки.

Юридическая природа автономности третейского соглашения

Проблема автономности третейского соглашения не обделена вниманием ученых. Их многочисленные высказывания как в советской, так и в российской юридической литературе сформировали целую доктрину по этой проблеме. Сделанный вывод можно распространить и на западную юридическую литературу.

Раскрывая содержание принципа автономности, нельзя пройти мимо различных взглядов на его роль в третейском разбирательстве. В силу того, что этот принцип тесно сопрягается с принципом «компетенции компетенции», некоторые российские ученые не рассматривают его в качестве самостоятельной правовой категории. По мнению М. А. Попова, принцип автономности играет вспомогательную роль и служит лишь средством для обеспечения

принципа «компетенции компетенции» автономности компетенции компетентной оговорки права выносятся на рассмотрение в тех случаях, когда в законе оговорки предусмотрены при рассмотрении такой фенотипической арбитражной с тем, представительной нормой не является роль. как условие предоставления ему компетенции компетенции от основного обоснования к суда в этом случае обе стороны, к В случае, если роль, и третейственным, слагается заключенного арбитражного разбирательства «компетенции компетенции» автономности не во

¹⁵ «... автономности компетенции компетенции» — процесс в наиболее широким смысле проблемы российской юрид. наук

¹⁶ «Согласно пункту 1 «О международном праве» постановления Верховного Суда Российской Федерации от 11 июля 1995 года № 11-1/95, являющееся от другого Международного арбитража 1985 года не влечет принцип с незначительного закона РФ

¹⁷ В соответствии с принципом «компетенции компетенции» арбитража 1985 года не влечет принцип с незначительного закона РФ

¹⁸ Подробнее см.: арбитраж и согла

лицо права на о смысле дей- лка считается а опустим толь- а оспоримости ствительности) в теории об от- действующем :тельству об злого эффекта зрение по- чно для целей о исключения я от классиче- ые положения делки чертами му. Единствен- ых норм, пре- рещение на по- йствительной, чтожной сдел- і случае не вле- епятствует от-

ательства слу- даже предста- х прав. Поэто- о соглашения, гников третей- третейских су- матривающие и, в случае не- подходов к ре- сделки.

ашения

ена вниманием так и в россий- ло этой пробле- юридическую

ойти мимо раз- з силу того, что и компетенции», стве самостоя- л автономности а обеспечения

принципа «компетенции компетенции».¹⁵ Высказывание А. А. Костина по этому поводу не содержит таких радикальных выводов, хотя и его изложение принципа автономности несет на себе отпечаток сильного влияния принципа «компетенции компетенции». По его мнению, декларирование независимости третейской оговорки преследует цель лишь объяснить наличие у третейского суда права выносить решение о собственной компетенции.¹⁶ Особенность приведенных точек зрения заключается в том, что происходит смешение двух различных правовых институтов. Причина этого смешения кроется в нормативно-правовом закреплении принципа автономности. Независимость третейской оговорки предусматривается в правовой норме, посвященной раскрытию содержания принципа «компетенции компетенции».¹⁷ В юридической литературе такой феномен был охарактеризован как «квалификация автономности арбитражной оговорки в качестве позитивной правовой нормы».¹⁸ Вместе с тем, представляется, что упоминание двух правовых институтов в одной правовой норме не означает закрепление за одним главной, а за другим вспомогательной роли. Проблема автономности третейского соглашения возникает не как условие реализации компетенции третейского суда разрешить спор, переданный ему на рассмотрение, а в процессе реализации принципа «компетенции компетенции». Установление независимости третейского соглашения от основного договора, безусловно, может сыграть положительную роль при обосновании компетенции третейского суда. Полномочия состава третейского суда в этом случае подтверждаются третейским соглашением, связывающим обе стороны, к которому впоследствии присоединяется состав третейского суда. В случае, если принципу автономности не удастся сыграть положительную роль, и третейское соглашение признается составом третейского суда недействительным, его полномочия подтверждаются соглашением, которое предполагается заключенным между лицом, настаивающим на проведение третейского разбирательства, и составом третейского суда. Таким образом, принцип «компетенции компетенции» применяется и в случаях, когда принцип автономности не востребован участниками третейского разбирательства.

¹⁵ «...автономность арбитражной оговорки как средство обеспечения принципа «компетенции компетенции» арбитража является законодательно установленной фикцией. Ее цель — процессуально обеспечить полномочия третейского суда на рассмотрение спора в наиболее широком круге случаев». См.: Попов М. А. Теоретические и практические проблемы российской модели регулирования деятельности третейских судов. Дисс. ... канд. юрид. наук/ СПб., 2002.

¹⁶ «Согласно пункту 1 статьи 16 российского Закона об арбитраже (имеется в виду Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» 1993 г. — авт.), третейский суд может сам вынести постановление о своей компетенции, в том числе по любым возражениям относительно наличия и действительности арбитражного соглашения. Для этой цели арбитражная оговорка, являющаяся частью договора, должна трактоваться как соглашение, не зависящее от других условий договора. См.: Костин А. А. Арбитражное соглашение // Международный коммерческий арбитраж. 2005. № 2. С. 8.

¹⁷ В соответствии со статьей 16 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 года вынесение арбитражным судом решения о недействительности договора не влечет за собой «ipso iure» недействительность арбитражной оговорки. Данный принцип с незначительными изменениями был инкорпорирован в статью 16 Закона РФ № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» от 07.07.1993 г. и статью 17 Федерального закона РФ № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» от 24.07.2002 г.

¹⁸ Подробнее см.: Лебедев С. Н. Международный коммерческий арбитраж: компетенция арбитров и соглашение сторон. М., 1988. С. 82; Костин А. А. Указ. соч. С. 8.

Суть автономности третейского соглашения заключается в признании его независимым от основного договора. Наделение третейского соглашения данным свойством обычно обосновывали его предметной самостоятельностью. Причем доводы, к которым прибегают ученые, могут лежать в различных отраслях права. Одним из первых обратил на это внимание С. Н. Лебедев. В его работе, посвященной комплексному исследованию рассматриваемой доктрины, содержится краткое описание подходов, основанных на выделении материально-правового или процессуального аспекта, а также их соединении в правоотношениях, складывающихся между участниками третейского разбирательства. В качестве аргумента в пользу преобладания одного аспекта над другим приводились процессуальные последствия третейского соглашения, препятствующие рассмотрению спора в государственном суде, или его предметное содержание, требующее специального правового регулирования. Последний аргумент в равной степени мог применяться в защиту материально-правовой и смешанной трактовки третейского соглашения, подразумевающей сочетание материально-правового и процессуального элемента.¹⁹

Обоснование принципа автономности в рамках процессуального подхода берет свое начало из выводов Внешнеторговой арбитражной комиссии при ТПП СССР, сделанных ею в связи с рассмотрением в 1984 году спора между ВО «Союзнефтеэкспорт» и бермудской фирмой «Джок Ойл Лтд.»²⁰. На обстоятельности данного дела неоднократно ссылались современные российские ученые в своих исследованиях при описании принципа автономности.²¹ Поэтому нет необходимости приводить подробное описание спора между сторонами третейского соглашения. Достаточно лишь указать на сформулированный принцип, оказавший большое влияние на развитие доктрины автономности. Независимость третейской оговорки от основного договора, по мнению ВТАК при ТПП СССР, вытекает из процессуальной природы третейского соглашения, вследствие чего никакие последствия, возникающие из материально-правовой природы основного договора, не могут быть применимы к данному соглашению.²² Эта идея находит свой отклик и в современных исследованиях, посвященных вопросам третейского разбирательства.²³

В пользу процессуальной самостоятельности третейского соглашения в западной правоприменительной практике используют широкий спектр юридического инструментария. С. Н. Лебедев, ссылаясь на руководящий преце-

¹⁹ Подробнее см.: Лебедев С. Н. Указ. соч.

²⁰ Текст решения см. в: Международный коммерческий арбитраж. 2007. № 2. С. 135-167. После принятия Закона РФ № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» от 07.07.1993 г. МКАС при ТПП РФ обычно ссылается при обосновании автономности третейского соглашения на соответствующую статью данного закона, т. е. на «позитивную правовую норму». В качестве примера можно привести решение от 07.07.2004 г. по делу № 181/2003. Подробнее см.: Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2004 г. / Под ред. М. Г. Розенберга. М., 2005. С. 273.

²¹ Подробнее см.: Костин А. А. Указ. соч. С. 8.; Богуславский М. М. Международное частное право. М., 1998. С. 387.; Брунцева Е. В. Международный коммерческий арбитраж. СПб., 2001. С. 318.; Ануфриева Л. П. Международное частное право. Т. 3. М., 2001. С. 144.

²² «...в силу своего процессуального содержания и независимо от формы совершения оно является автономным по отношению к материально-правовому договору». См.: Международный коммерческий арбитраж. 2007. № 2. С. 156.

²³ «...именно гражданско-процессуальная природа арбитражной оговорки влечет ее «независимость» от остальных условий контракта». См.: Мусин В. А. Арбитражная оговорка во внешнеэкономическом контракте и проблема правопреемства // Третейский суд. 2000. № 4. С. 32.

дент Верховного с выбором третейского соглашения закона об американских (так как нормы) типологическая в официальных изменение материальную квалификацию судебной системы процессуально *Vimar Seguros* (рассматриваемой) позиции сторон соглашения, которое гражданско-третейского соглашения является ли уменьшения от 1936 года о морфет материалкая возражение экономиправильно под ответственности стидостижение ксНарушение гражданских граждансисполнения тррядка. Действивходит В то жеции третейскоми отношенияские соглашенияпредусматривапо выбору сторется различназапрета об уме

²⁴ Подробнее см.: J

²⁵ Обстоятельствасти споров, вытми. Подробнее с2005. № 5. С. 115Арбитрабельносморской перевоз

²⁶ Лобода А. И., Лкий в сфере межитрибунал. 2006.

в признании его оглашения действительностью. В различных отчетах И. Лебедев. В его иваемой доктринальной модели материального соединения третейского разного аспекта надого соглашения, те, или его предцирования. Посу материально-дразумевающей та.¹⁹

ального подхода й комиссии приду спора между тд.»²⁰. На обстояные российские мности.²¹ Поэтожду сторонами мулированный и автономности. о мнению ВТАК йского соглашеиз материально-нимы к данному : исследованиях,

ого соглашения кий спектр юриводящий преце-

2. С. 135-167. После аже» от 07.07.1993 г. третейского соглао правовую норму». 181/2003. Подробнее ГПП РФ за 2004 г. /

дународное частное битраж. СПб., 2001. 144.

ны совершения оно ру». См.: Междуна-

ки влечет ее «неза-ажная оговорка во уд. 2000. № 4. С. 32.

дент Верховного Суда США 1967 года, подчеркивает важность вопроса, связанного с выбором нормативного источника права, регулирующего вопросы третейского соглашения и третейского разбирательства. Применение федерального закона об арбитраже 1925 года обнаружило тяготение большинства американских судей к процессуальной квалификации третейского соглашения, так как нормы вышеназванного закона носили процессуальный характер. Противоположная точка зрения, разделяемая тремя арбитрами и не вошедшая в официальную резолютивную часть судебного решения, основывалась на применение материального права штата, что подразумевало материально-правовую квалификацию третейского соглашения.²⁴ Впоследствии американской судебной системе потребовались развернутые аргументы для обоснования процессуальной самостоятельности третейского соглашения. Речь идет о деле *Vimar Seguros y Reaseguros v. M/V Sky Reefer (Sky Reefer)*²⁵. Относительно рассматриваемого принципа автономности представляет интерес критика позиции сторонников материально-правовой квалификации третейского соглашения, которые пытались распространить сферу действия положений о гражданско-правовой ответственности перевозчика на действительность третейского соглашения. Причина спора заключалась в следующем вопросе: является ли заключение третейского соглашения нарушением запрета об уменьшении ответственности перевозчика, предусмотренного в Законе США 1936 года о морской перевозке грузов. Положительный ответ означал бы «эффект материально-правового предписания в процессуальной области».²⁶ Опуская возражения, носящие политический характер и направленные на поддержание экономического благосостояния США, следует обратить внимание на правильно подмеченное различие между соглашением об установлении ответственности сторон и третейским соглашением. Если первое направлено на достижение конечного результата, то второе обеспечивает его достижение. Нарушение гражданско-правовых запретов или наступление иных негативных гражданско-правовых последствий должны рассматриваться на стадии исполнения третейского решения с применением категории публичного порядка. Действительность третейского соглашения в эту группу вопросов не входит. В то же время критика материально-правового подхода к классификации третейского соглашения проводит грань и между самими процессуальными отношениями. Так, например, высказываются мнения о том, что третейские соглашения нельзя отождествлять с пророгационными соглашениями, предусматривающими передачу спора на рассмотрение государственного суда по выбору сторон. При этом одним из критериев такого разграничения является различная степень предсказуемости выносимых решений. Нарушение запрета об уменьшении ответственности перевозчика может быть с большой

²⁴ Подробнее см.: Лебедев С. Н. Указ. соч. С. 53-54.

²⁵ Обстоятельства данного дела были подвергнуты анализу с точки зрения арбитрабельности споров, вытекающих из правоотношений, регулируемых сверхимперативными нормами. Подробнее см.: Ануров В. Н. Допустимость третейского соглашения // Третейский суд. 2005. № 5. С. 115. Более подробное описание дела *Sky Reefer* см. в: Лобода А. И., Лобода Ю. В. Арбитрабельность споров и признание арбитражных соглашений в сфере международной морской перевозки грузов // Международный коммерческий арбитраж. 2006. № 1, 2.

²⁶ Лобода А. И., Лобода Ю. В. Арбитрабельность споров и признание арбитражных соглашений в сфере международной морской перевозки грузов // Международный коммерческий арбитраж. 2006. № 1. С. 97.

долей вероятности предсказано в отношении решения государственного суда, если сверхимперативные нормы права страны суда предусматривают такое уменьшение. В отношении третейского суда подобный прогноз будет носить менее вероятный характер. К этим выводам приходят А. И. Лобода и Ю. В. Лобода.²⁷ Критерий, положенный ими в основу разграничения третейских и пророгационных соглашений, выходит за рамки процессуального подхода, которого они сами придерживаются при установлении независимости третейского соглашения от основного договора. Приводимые этими учеными доводы, безусловно, следует учитывать при оценке эффективности выносимых государственными и третейскими судами решений и оказываемого ими воздействия на развитие экономических отношений хозяйствующих субъектов. Однако использование категорий вероятности или произвольное обращение к институтам различной отраслевой принадлежности не может быть положено в основу классификации правовых явлений. Представляется некорректным объяснять недостаток пророгационных соглашений тем, что государственные суды обязаны соблюдать сверхимперативные предписания материального права. Ведь если в отношении третейских соглашений вопрос об их правовой природе остается открытым, то процессуальная природа пророгационных соглашений не вызывает сомнений в юридической литературе. Получается, что основной упрек, адресованный пророгационным соглашениям, заключается в существовании более четких правил материально-правового характера, подлежащих применению государственным судом, в то время как третейский суд не связан такими строгими ограничениями. Если же соблюдать последовательность в описании процессуальной самостоятельности третейского соглашения, то всякие доводы материально-правового характера должны игнорироваться исследователем.

Элементы материально-правового подхода при обосновании принципа автономности можно найти в высказываниях современных российских ученых, выступающих против «абсолютизации» независимости третейской оговорки от основного договора.²⁸ При этом ими подчеркивается гражданско-правовой характер правовых норм, регулирующих вопросы действительности третейской оговорки, которые относятся к нормам обязательственного права как специальные нормы к общим.²⁹

²⁷ Лобода А. И., Лобода Ю. В. Арбитрабельность споров и признание арбитражных соглашений в сфере международной морской перевозки грузов // *Международный коммерческий арбитраж*. 2006. № 2. С. 97.

²⁸ «...цель автономности арбитражной оговорки заключается в сохранении юрисдикции арбитража в случае, если основной договор будет признан недействительным. Использовать же эту концепцию в абсолютном понимании и не распространять никакие правила, относящиеся к основному договору, на арбитражную оговорку в ущерб здравому смыслу представляется необоснованным». См.: Киселева Т. С. Форма и порядок заключения арбитражного соглашения: сравнительно-правовой анализ // *Третейский суд*. 2002. № 1/2. С. 79.

²⁹ «Не следует при этом, как представляется, и абсолютизировать независимость арбитражной оговорки, утверждая, что оговорка всегда «переживает» контракт, ибо на оговорку как на соглашение сторон распространяются и общие положения обязательственного права о действительности договоров. Таким образом, если условие(я) недействительности контракта, например, вопрос о полномочиях в равной мере, применимо(ы) к арбитражной оговорке, последняя также может быть на этом основании признана недействительной. Другое дело, что условия действительности арбитражного соглашения определяются в первую очередь нормами специального законодательства об арбитраже и зачастую могут не совпадать с условиями действительности самого контракта». См.: Костин А. А. Некоторые проблемы международного арбитража // *Третейский суд*. 2000. № 3. С. 54.

Обоснование природы третейского соглашения как логического характера правового режима «присущее» присуще как связано с оценкой. Большое значение имеет изменение, изменение постановка вопроса о состоянии положения, как к средствам судебной можно говорить о вынесения решения вопросу. Но в любом случае совсем мизерный, альных отношений решению лица, ра. Когда поднимают третейского соглашения нами. Поэтому не только в рамках прав только в материал

Принцип автономности искусственное обращение между участниками принципа выступавшимости части сделки к режиму недействительности сделки будет доказанется аргументов, сделку. Использование соглашения оправдания выступает механизме на основе действительности, некоторые российские характер отношений разбирательства.

³⁰ Такой позиции придерживаются в контексте конвенции 1958 г. рассматривается обстоятельство существования, т. е. в отсутствие согласия стороны и волеизъявление. Некоторые актуальные Федерации // *Международный гражданский суд*. 2000. № 3. С. 54.

Обоснование принципа автономности со ссылкой на процессуальную природу третейского соглашения вызывает серьезные возражения методологического характера, если его независимость рассматривается в рамках правового режима недействительности. Использование термина «недействительность» присуще исключительно материально-правовым отношениям, так как связано с оценкой правового эффекта совершенной сторонами сделки. Большое значение придается направленности единого волеизъявления на возникновение, изменение и прекращение правоотношений. Таким образом, сама постановка вопроса о недействительности сделки объясняется неопределенностью положения, которая может быть снята только посредством обращения к средствам судебной защиты или третейскому разбирательству. Конечно, можно говорить о существовании определенной степени предсказуемости вынесения решения государственным или третейским судом по данному вопросу. Но в любом случае какой-то процент неопределенности, пусть даже совсем мизерный, остается. Такого рода опасности отсутствуют в процессуальных отношениях, особенность которых как раз и заключается в том, что решению лица, разрешающего спор, придается окончательный характер. Когда поднимают вопрос о несостоятельности или недействительности третейского соглашения, речь идет о двусторонних отношениях между сторонами. Поэтому независимость третейского соглашения от основного договора в рамках правового режима недействительности можно рассматривать только в материально-правовом смысле.³⁰

Принцип автономности третейского соглашения нельзя трактовать как искусственное образование, присущее только правоотношениям, возникающим между участниками третейского разбирательства. Прообразом данного принципа выступает общеизвестное положение гражданского права об отделенности части сделки от других ее частей, когда одна из сторон обращается к режиму недействительности сделки.³¹ Если самостоятельность такой части сделки будет доказана заинтересованной стороной, то у ее оппонента не останется аргументов для распространения режима недействительности на всю сделку. Использование в этих случаях формулы автономности третейского соглашения оправдано и не вызывает сомнений. Предметом данного соглашения выступает механизм разрешения разногласий сторон, возникающих как на основе действительного, так и недействительного основного договора. Правда, некоторые российские ученые склонны абсолютизировать процессуальный характер отношений, складывающихся между участниками третейского разбирательства. Формуле автономности третейского соглашения они прида-

³⁰ Такой позиции придерживается и А. С. Комаров: «Под недействительностью арбитражного соглашения в контексте данного положения (имеется в виду пункт 3 статьи 2 Нью-Йоркской конвенции 1958 года — авт.) понимаются случаи, когда арбитражное соглашение затрагивается обстоятельствами, означающими его недействительность с самого начала его существования, т. е. относящимися к материально-правовому регулированию, например, отсутствие согласия сторон о заключении арбитражного соглашения в силу несоответствия воли и волеизъявления или пороков воли (заблуждение, обман и т. п.)». См.: Комаров А. С. Некоторые актуальные вопросы международного коммерческого арбитража в Российской Федерации // *Международный коммерческий арбитраж*. 2004. № 1. С. 12.

³¹ Статья 180 Гражданского кодекса РФ: «Недействительность части сделки не влечет недействительности прочих ее частей, если можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной ее части».

ют исключительно процессуальный характер.³² Как следствие этого, никакие материально-правовые принципы не подлежат применению, включая принцип, предусмотренный статьей 180 Гражданского кодекса РФ. На первый взгляд, подобная абсолютизация упрощает понимание автономности третейского соглашения. Однако при более тщательном анализе возникают неразрешимые противоречия. Почему в некоторых случаях при оценке третейского соглашения подлежат применению общие нормы обязательственного права, посвященные институту недействительности сделок, а в некоторых — нет? Если строго следовать предложенной классификации третейского соглашения как процессуального соглашения, нельзя найти выход из логического тупика. На самом деле, проблема гораздо сложнее в теоретическом плане. Процессуальные отношения между участниками третейского разбирательства оказывают влияние на материально-правовые отношения сторон, возникающих при заключении и исполнении ими третейского соглашения. Однако этот процессуальный характер не накладывает свой отпечаток на разрешение вопросов, связанных с действительностью или недействительностью третейского соглашения. Автономность третейского соглашения должна обосновываться с точки зрения материально-правового правила об отделимости части сделки от сделки в целом и не исключать применение общих норм обязательственного права, не вступающих в противоречие со специфическим предметом третейского соглашения. Можно сказать, что российская судебная практика в основном придерживается этого подхода. В тексте многих судебных актов содержатся ссылки на применение материально-правовых норм, предусматривающих случаи признания сделки недействительной.³³ Также четко прослеживается разграничение между основаниями признания недействительности основного договора и третейского соглашения. Так, в деле *компании «Эллоуз Трейдинг Лимитед»* российский государственный суд указал на недостаточность аргументации заявителя, основанной на оспаривании только основного договора, при решении вопроса о наличии юрисдикции государственного суда по спору, охватываемому третейской оговоркой.³⁴

Компания «Эллоуз Трейдинг Лимитед» (истец) обратилась в суд первой инстанции с иском о признании недействительным договора купли-продажи доли в общей долевой собственности нежилого помещения как сделки, совершенной под влиянием насилия и угроз. Иск был оставлен без рассмотр-

³² «И какой «спецификой» можно объяснить полную независимость этой «сделки» (имеется в виду третейское соглашение — Авт.) от «основного» договора, который она призвана «обслуживать» (ибо недействительность последнего в силу прямого указания ч. 4 ст. 3 Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров не влечет недействительность третейского соглашения, что «переворачивает» классическое правило ст. 180 ГК о последствиях недействительности части сделки)?». См.: Суханов Е. А. Об одном решении арбитражного суда // Третейский суд. 2000. № 5. С. 47.

³³ Подробнее см.: Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.06.2004 г. № Ф08-2345/04, Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 03.06.2003 г. № А33-762/03-С1-Ф02-1971/03-С2. В первом случае арбитражный суд проверил обоснованность заявлений заинтересованной стороны о недействительности третейского соглашения в соответствии со статьями 168-179 Гражданского кодекса РФ, во втором случае — в соответствии со статьями 173, 174 Гражданского кодекса РФ.

³⁴ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.01.2004 г. № А56-2753/03. См. также Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 23.02.1998 г. № КГ-А40/207-98.

*рения в связи с п
рении данного сп
тербургский эко
чик) заявил возр
суде. Апелляцион
ции и направила
суд Северо-Запа
инстанции и ост
прочих доводов
лении не содерж
Предложенная а
как оспаривани
неотъемлемую ч
инстанцией.*

Особенность третейского соглашения государственной суд требований к содержанию о недействительности постановл в этом. Данное д ное толкование : судебное усмотр ходимость в раз формулировани рона просто игн шения, если она эти вопросы леж и недействитель факты, не имею заинтересованное просто игнорир свои исковые тр ный суд. В случае няется. Принци в форме позити: сматривать трет яние и на предм жит распростра рассматривать и ского решения и

³⁵ В судебной практи номности третейс Обычно инициатс ность основного ; Кавказского округ суда Поволжского

е этого, никакие включая прин- РФ. На первый ожности третей- зникают нераз- енке третейско- ственного права, которых — нет? йского соглаше- из логического гическом плане. го разбиратель- я сторон, возни- ашения. Однако ток на разреше- тельностью тре- должна обосно- об отделимости бщих норм обя- специфическим ийская судебная те многих судеб- правовых норм, гельной.³³ Также ризнания недей- . Так, в деле *ком- нный суд указал на оспаривании юрисдикции го- оворкой.*³⁴
лась в суд первой ра купли-прода- ения как сделки, лен без рассмот-

ой «сделки» (имеет- торый она призвана) указания ч. 4 ст. 3 зских споров не вле- » классическое пра- м.: Суханов Е. А. Об

р-Кавказского округа кного суда Восточно- первом случае арбит- тороны о недействи- ражданского кодекса ого кодекса РФ. круга от 29.01.2004 г. го суда Московского

рения в связи с тем, что между сторонами имеется соглашение о рассмотре- нии данного спора постоянно действующим третейским судом «Санкт-Пе- тербургский экономический арбитраж», и ООО «Авангард ТоргРос» (ответ- чик) заявил возражение в отношении рассмотрения дела в государственном суде. Апелляционная инстанция отменила определение суда первой инстан- ции и направила дело на новое рассмотрение. Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе определения суда первой инстанции. В числе прочих доводов кассационная инстанция указала на то, что в исковом заяв- лении не содержится требование об оспаривании третейской оговорки. Предложенная апелляционной инстанцией оценка требований ответчика как оспаривание сделки в целом, включая третейскую оговорку как неотъемлемую часть основного договора, не была поддержана кассационной инстанцией.

Особенность данного дела заключается в том, что проблема автономности третейского соглашения возникла до вынесения третейского решения.³⁵ Го- сударственный суд обратил внимание на несоблюдение истцом формальных требований к содержанию искового заявления, а именно на отсутствие заяв- ления о недействительности третейской оговорки. По-видимому, причина от- мены постановления суда апелляционной инстанции заключалась именно в этом. Данное дело представляет собой интересный пример, когда букваль- ное толкование принципа автономности третейского соглашения влияет на судебное усмотрение в отношении процессуальных вопросов. Есть ли необ- ходимость в разграничении основного договора и третейской оговорки при формулировании предмета и основания исковых требований? Может ли сто- рона просто игнорировать наличие в основном договоре третейского согла- шения, если она оспаривает действительность основного договора? Ответ на эти вопросы лежит в разделении третейских соглашений на несостоявшиеся и недействительные. Соглашения первой категории рассматриваются как факты, не имеющие правового значения, и, вследствие этого, лишшающие за- интересованное лицо права на оспаривание. Заинтересованному лицу следует просто игнорировать несостоявшееся третейское соглашение и предъявлять свои исковые требования, основанные на основном договоре, в государствен- ный суд. В случае с недействительным третейским соглашением ситуация ме- няется. Принцип автономности третейского соглашения, существующий в форме позитивной правовой нормы, вынуждает государственный суд рас- сматривать третейскую оговорку как обстоятельство, которое оказывает влия- ние и на предмет иска, и на его основание. Косвенным подтверждением слу- жит распространенная позиция государственных судов, отказывающихся рассматривать в судебном процессе, посвященном вопросам отмены третей- ского решения или принудительного исполнения третейского решения, заяв-

³⁵ В судебной практике существуют многочисленные примеры применения формулы авто- номности третейского соглашения в судебных процессах об отмене третейского решения. Обычно инициатором выступает арбитражный управляющий, ссылаясь на недействитель- ность основного договора. См.: Постановление Федерального арбитражного суда Северо- Кавказского округа от 31.08.2006 г. № Ф08-3882/06, Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 09.06.2005 г. № А72-1624/05-22/36.

ление заинтересованного лица о недействительности основного договора. В качестве примера можно привести дело *ОАО «Ордынскхлебопродукт»*.³⁶

ОАО «Ордынскхлебопродукт» (истец в третейском разбирательстве) обратилось в суд первой инстанции с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения Сибирского третейского суда, вынесенного в его пользу. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ отменил определение суда первой инстанции и удовлетворил заявление истца о выдаче исполнительного листа. Была признана неправильной позиция суда первой инстанции, поддержавшая точку зрения сельскохозяйственного кооператива «Петровский» (ответчика в третейском разбирательстве), основанную на том, что третейское решение было вынесено на основании ничтожной сделки. Президиум ВАС РФ указал, что подобное материально-правовое требование могло быть предметом самостоятельного рассмотрения в государственном арбитражном суде только в рамках искового производства при условии, что данное требование не подлежало рассмотрению третейским судом.

Процессуальные ограничения, применяемые в отношении позиции ответчика в судебном процессе, посвященном вопросам отмены третейского решения или принудительного исполнения третейского решения, подтверждают приверженность государственных судов принципу автономности третейского соглашения. Однако эти процессуальные ограничения могут выполнять и позитивную роль. Поскольку существует разграничение между возражениями о недействительности основного договора и третейской оговорки, аналогичное правило должно применяться и в отношении исковых требований заинтересованного лица, которым является сторона, оспаривающая третейское решение. Таким образом, не должна вызывать сомнений самостоятельность искового требования о признании третейского соглашения недействительным. Заинтересованное лицо должно обладать правом оспорить действительность этого соглашения, заключенного в виде третейской оговорки, в отрыве от оспаривания основного договора. Тем самым, негационный иск также должен применяться к третейскому соглашению как самостоятельной сделке.

В любом случае, вопросы о недействительности основного договора могут быть предметом судебного исследования, если третейский суд не вынес решения о наличии своей компетенции по рассмотрению спора, связанному с этим договором. Если такое решение вынесено, государственный суд не вправе его игнорировать. Заинтересованному лицу следует сначала устранить это препятствие, а затем ставить вопрос о недействительности основного договора. Данный способ толкования вывода, сделанного Президиумом ВАС РФ, не вызывает возражений. Однако возможна и другая трактовка, подразумевающая связь между вышеназванными процессуальными ограничениями и безусловным запретом на пересмотр решения третейского суда по существу. Такой вариант толкования основан на формальном признаке. Если государственный суд сталкивается с необходимостью дать оценку фактическому об-

стоятельству, к третейскому соглашению судебного решения к отказу государственному установлению заинтересованным лицам, которых третейской защиты его интеллектуальной собственности, оспаривая третейской ситуации основан на полном суде и возникновение. Объем материально-правового возникновения суд сталкивается с обстоятельствами, существу, так и судебного вмешательства действительно только третейской неизвестен внеслучить соглашение которое бы имел ствляющий свои права на регулируемым принципом решение, в сторону со сторо

³⁶ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 19.09.2006 г. № 4780/06. См. также Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.12.2006 г. № Ф08-4572/06.

³⁷ См.: Постановление № Ф08-300/06.

о договора. В ка-
 одукт».³⁶
 збирательстве)
 исполнительно-
 го третейского
 :ал в удовлетво-
 РФ отменил оп-
 е истца о выда-
 й позиция суда
 голяйственного
 бирательстве),
 но на основании
 е материально-
 ного рассмотре-
 искового произ-
) рассмотрению

и позиции ответ-
 етейского реше-
 и, подтверждают
 ости третейского
 выполнять и по-
 у возражениями
 юрки, аналогич-
 реований заин-
 ящая третейское
 истоятельность
 действительным.
 ействительность
 в отрыве от оспа-
 же должен при-
 делке.

о договора могут
 суд не вынес ре-
 ора, связанному
 ственный суд не
 ачала устранить
 ти основного до-
 диумом ВАС РФ,
 овка, подразуме-
 и ограничениями
 суда по существу.
 ке. Если государ-
 актическому об-

стоятельству, которое влияет на решение вопросов, относящихся как к тре-
 тейскому соглашению, так и к существу дела, неправильное понимание прин-
 ципов судебного вмешательства в третейское разбирательство может приве-
 сти к отказу государственного суда от совершения каких-либо действий по
 установлению данного фактического обстоятельства.³⁷ Использование заин-
 тересованным лицом аргументов, затрагивающих оценку фактических обсто-
 ятельств, которые влияют и на существо дела, и на принятие решения о на-
 личии третейского соглашения, не должно являться препятствием для
 защиты его интересов. В большинстве случаев это происходит даже не по воле
 лица, оспаривающего третейское решение, а в результате сложившейся фак-
 тической ситуации. Запрет на пересмотр третейского решения по существу
 основан на полномочии, делегированном государственным судом третейскому
 суду и возникающим в результате заключения сторонами третейского согла-
 шения. Объем этого полномочия охватывает порядок его осуществления в ма-
 териально-правовой области разрешение спора, но не касается предпосылки
 его возникновения — наличия третейского соглашения. Если государствен-
 ный суд сталкивается с необходимостью оценки совпадающих фактических
 обстоятельств, т. е. обстоятельств, влияющих как на разрешения спора по
 существу, так и на проверку третейского соглашения, никаких запретов для
 судебного вмешательства быть не должно. Полномочие по установлению не-
 действительности третейского соглашения не может считаться прерогативой
 только третейского суда в рамках российской правовой системы, так как ей
 неизвестен внесудебный порядок оспаривания сделок. Стороны не могут зак-
 лючить соглашение о признании совершенной ими сделки недействительной,
 которое бы имело юридическую силу. Таким образом, третейский суд, осуще-
 ствляющий свою деятельность в результате использования сторонами своего
 права на регулирование своих правоотношений в соответствии с диспозитив-
 ным принципом автономии воли сторон, не вправе претендовать на вынесе-
 ние решения, выходящего за рамки этого принципа и не подлежащего пере-
 смотру со стороны государственного суда.

Продолжение читайте в следующем номере.

19.2006 г. № 4780/06.
 Кавказского округа

³⁷ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20.02.2006 г.
 № Ф08-300/06.